

САТ А Н А

Сказки для взрослых

18+

Сказки для взрослых Сатана

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70531813
SelfPub; 2024*

Аннотация

Рассказ из цикла "Сказки для взрослых". "Сказки для взрослых" представляют собой сборник небольших рассказов. Сюжеты содержат ожившие, материализовавшиеся человеческие пороки, страхи и психологические травмы. Главным героям зачастую придется бороться с обстоятельствами на уровне своего подсознания, иллюзий и снов. В одних историях воспоминания и чувства будут выступать в роли врагов и подстрекателей, в других - наоборот спасителей и праведников. Кому-то из героев предстоит сразиться и погибнуть, кому-то исцелиться. Во многом это будут определять их личности: зрелые и не зрелые, сильные или слабые, цельные или разобщенные, подлые или чистые. Женщина отмечает свое день рождение и вспоминает о том, как в детстве ей и ее семье пришлось противостоять сатане (законченное произведение).

Сказки для взрослых

Сатана

Сатана.

"Вопли наших напрасно молящихся голосов заглушают шепот бога, умоляющего людей о помощи!"
(Мой отец).

Сегодня праздник в мою честь. Вокруг огни и веселье. Из года в год, в этот день в памяти вновь и вновь вспыхивают воспоминания. Пугающие и темные воспоминания о моей семье и детстве. В эти мгновения жизнь вокруг замирает. А воспоминания становятся единственной имеющей для меня смысл вещью.

Родилась я в тихом и небольшом брянском селе. Люди, до недавних пор, здесь жили сыто и спокойно. Ребенком себя помню плохо. Отец мой бродяжничал и выпивал, дома появлялся очень редко. А когда появлялся- вел себя странно, шарахался по всем углам от нас и матери, судорожно капался в вещах в поисках ценностей и предметов, за которые в городе можно было хоть что-то выручить, а затем спешно покидал избу. И во всякий такой визит, перед самым своим уходом, он бросал испуганный взгляд на нас с сестрой, затем на мать, крестился, шептал что-то себе под нос и уходил из

дома еще на неделю-другую. Мать же, напротив, была при-
творно весела и добра. Часто ласкала нас и баловала то ме-
дом, то вареньем, то жженым сахаром. И больше всего на
свете она мечтала родить сына

...

А иной раз- отец приходил злой и спокойный, в такие свои
визиты он сильно избивал мать. До синяков, до крови, до
сломанных пальцев и костей, а бывало- и до полусмерти. За-
тем он молча уходил, а мать корчилась на полу от боли всю
ночь. Но на утро мать вновь становилась весела и невреди-
ма. Когда отец бил ее, он никогда не кричал и не ругался. А
мать, не издавая не единого звука, спокойно вытирала кровь
и прятала от ударов свое красивое лицо. Оба они, в этот мо-
мент, были словно куклы, не живые, ни мертвые. Жутко ух-
мылялись и смотрели друг на друга стеклянными глазами.

Когда отец приходил злой и тихий- в комнате становилось
холодно, пахло сыростью и дымом. Мы с сестрой всегда в
страхе быстро залезали на печь и прятались под одеяло, и
наблюдали. Правда сказать, отец никогда и не думал нас тро-
гать. Меня не покидало чувство, что с жизнью нашей и ми-
ром происходит что-то совсем не ладное.

В деревне о моей семье ходили самые разные слухи. Нам
нельзя было посещать церковь, в которой некогда не покла-
дая рук трудился отец, наша семья не имела друзей, не было
родственников или даже хороших знакомых. Поговаривали,
что когда моя мать забеременела в первый раз- все время,

пока она носила ребенка, почти каждую неделю в деревне при странных обстоятельствах пропадали или умирали люди. Кто-то из них внезапно сходил с ума, кто-то совершал самоубийство. Они вешались, топились в реке, лезли в петлю. Некоторые уходили целыми семьями, с детьми своими и стариками. Без причин, без записок, без предупреждений. А в ночь, когда мать родила меня- до утра бушевали в селе пожары- леса горели в округе и хаты. И только звон церковных колоколов сокрушал тяжелый горячий воздух той ночи.

И вот- мать вновь носит дитя. Она была так покойна и безмятежна. На улице темный не ласковый ноябрь. И в этот раз, наконец, на свет должен был появиться долгожданный мальчик. Именно тогда и случились те страшные и необъяснимые события: в один из вечеров, особенно ветреный и холодный, к нам в избу ворвался отец- на глазах его наворачивались слезы, выглядел он очень напугано. Он захлопнул дверь и медленно подошел к матери. Отец резко упал перед ней на колени и начал лихорадочно щупать уже заметно округлившийся живот. Мать оттолкнула его, попыталась найти глазами предмет, которым можно было бы защититься от отца. Но не найдя ничего подходящего- она скинула со стола стеклянную вазу, ваза шумно разбилась об пол. Мать схватила в руку крупный осколок, и в тот момент, когда она подняла его над своей головой, осколок сверкнул и превратился в красивый, украшенный драгоценными камнями старинный квиллон. Отец отпрянул, облокотился об стол и прошептал:

– Так это правда?... Отвечай!– затем, после недолгого молчания, произнес уже не шепотом,– Правда...

Мать же наиграно тихо, смеясь и изображая страх, зашептала в ответ:

–Правда ? Я наконец ношу под сердцем сына, любимый. Неужели, ты не рад? Мы же так давно о нем мечтали, любимый! Степа... Славный, добрый мой муж!– губы ее расплылись в улыбку, а улыбка эта мгновенно превратилась в оскал. В глазах матери засиял неживой, зловещий огонь

Лицо отца побагровело. Бегающие, вначале полные страха и негодования глаза, теперь смотрели грозно и ясно. Он выпрямился, выставил вперед свою широкую грудь, отец сделался совсем большим и страшным, словно медведь. Он заговорил басом:

–Не с тобой, ведьма! Не моя ты жена! Будь ты проклята... отродье! – затем он достал из-под рубахи деревянный крестик, поцеловал его. Две крупные слезы сорвались глаз отца и покатались по щекам,– Наташа...-прошептал он,– прости меня. Не уберег! Любовь моя, я здесь. Я освобожу тебя.

Отец быстро выбежал куда-то из избы. Его жена стояла посреди хаты и, не отпуская из руки старинный кинжал, смеялась все громче и неистовее, все меньше и меньше гримасы ее походили на человеческие. Мы с сестрой же сидели в обнимку за печкой в углу комнаты. Как и всегда, мы молились, а пламя печи играло на наших лицах и отражалось в наших глазах. Двери в хату опять распахнулись, огонь в печи

задрожал и сжался от холодного темного воздуха.

Отец снова влетел в дом. Руки его тряслись, но красные большие пальцы намертво вцепились в мушку и приклад ружья. Он остановился в дверном приеме, входная дверь качалась на ветру. Отец медленно, и тяжело дыша, поднял ружье и направил его прямо на мать. Он крался к ней, как к дикому зверю, деревянные полы жалобно скрипели под его ногами, гулко завывал ветер. Время замедлилось.

Вдруг в тишине раздался истошный женский вопль. Мать перестала смеяться. На ее лице появилась другая совершенно другая жуткая гримаса. Руки и ноги уродливо вытянулись, они стали тонкими и жилистыми, как у мертвеца. Глаза матери медленно растворились в черных глазницах, а рот растянулся и стал до безобразия огромным. Она открыла его невероятно широко, так, что кожа на щеках разорвалась до самых ушей, а сама она закричала. Затем мать подняла кинжал над своей головой, по руке ее живо побежала струйка алой крови. Кровь попала на белое платье матери, вскоре и грудь ее и живот были покрыты большими багровыми пятнами. В темноте я уже с трудом различала женский силуэт.

Она быстро отбросила отца к стене. Он сильно ударился головой о стену, на дереве остался кровавый след и вмятина. На тыльной стороне его правой руки была глубокая, рваная рана. Из нее сочилась кровь. Вдобавок металл рассек отцу левый глаз, щеку и часть носа. В тот момент, я была уверена, что в углу дома лежит мертвец. Мать, по-види-

мому, решила точно так же . Еще несколько мгновений она стояла над ним и смотрела, его израненное лицо было залито кровью, губы не шевелились, глаза оставались закрытыми а тело бездыханным и неподвижным. Затем мать медленно развернулась, и хотела было направиться к нам. Тьма вокруг постепенно развеялась, лицо ее, по мере того, как комнату наполнял тусклый вечерний свет, плавно приобретало прежние человеческие черты.

И в тот момент, когда она сделала первый шаг в нашу сторону, отец подскочил, схватил так быстро, как смог левой, целой рукой ружье и выстрелил. Один раз он выстрелил в спину матери. А когда она вновь заверещала, а в комнате потемнело, он выстрелил еще раз, прямо ей в грудь. Мать упала, изо рта ее полилась черная кровь, она начала захлебываться, биться в агонии и кашлять.

...

Отец же, истекая кровью, судорожно , спотыкаясь и падая на каждом шагу, продолжая оставлять на полу стенах кровавые отпечатки, принялся быстро искать подходящую тряпку в доме, дядя того, чтобы сладить себе жгут. Мать перестала биться на полу, и теперь лежала, не шевелясь, лишь периодически кряхтела и жалобно, очень тихо стонала.

Отец закончил с рукой, перезарядил ружье, и подошел к матери. Он вновь смотрел на лицо некогда любимой жены, Степан навел прицел прямо на ее голову, но пальцы его совсем онемели и не слушались. Спустить курок отец так и не

смог. Он вскрикнул отчаянно и громко, упал на колени и зарыдал. Затем подскочил, взял ружье, и медленно, дрожа и шатаясь, подошел к нам с сестрой. Отец взглянул на оружие в своей руке, затем стремительно навел его на нас с сестрой, но выстрелить снова не смог. Он опустил ружье, смотря прямо на нас, закрыл глаза, и перекрестился три раза. Он медленно вышел из хаты, остановился в дверном проеме, входная дверь по-прежнему качалась на ветру, еще раз посмотрел на мать и на нас и ушел.

...

Мы с сестрой были до того напуганы, что еще с пол часа сидели в своем углу и наблюдали за ходящей туда-сюда деревянной дверью, опасаясь возвращения отца. Наконец мы набрались смелости подойти к матери, глаза ее были открыты и смотрели ясно, как будто бы она тогда пыталась что-то нам сказать, но говорить не могла. Ее белоснежное белое платье, теперь чуть ли не полностью стало красным от крови. На лбу блестели капельки холодного пота.

Едва я успела коснуться ее лба, как вдруг дверь в избу захлопнулась. Испугавшись, что это мог вернуться отец, мы вбежали на печь, спрятались под одеялом и стали наблюдать. Дверь, так же резко, как захлопнулась, вдруг отворилась. Ветер более никакого влияния на нее не имел. В дом медленно зашел таинственный мужчина. Он и вправду выглядел как

мой отец, но это был не тот, кто стрелял в мою мать пару минут назад, а после плакал и крестился.

Он был тем Степаном, который, не издавая ни единого звука, избивал ее обычно до полусмерти. Он, совершенно целый и невредимый, спокойно подошел к матери, поднял ее с полу одной рукой и закинул к себе на плечо, подошел к кровати аккуратно уложил ее на одеяло. В воздухе запахло серой и плесенью.

Гость сел на кровать, рядом с ней, из кармана пиджака он извлек маленький, чудно изогнутый кинжал. Одним легким движением он рассек ткань окровавленного платья и затем принялся за живот. Он аккуратно распорол его чуть ниже пупа. Мать не двигалась, глаза ее наполнились слезами и смотрели по-прежнему ясно, она тихо всхлипывала и жалобно стонала. Гость закатил правый рукав сорочки, снял кожаную перчатку и запустил руку в свежий разрез. Оттуда мужчина извлек два окровавленных кома плоти, один за другим. Оба они были связаны с матерью пуповиной. Отец внимательно осмотрел их и тихо, с ухмылкой произнес:

–Зря Степан ты так. Если бы ты только знал, что наделал.

Он перерезал пуповины, держа извлеченное одной рукой, взял две чистые простыни, уложил туда оба окровавленных кома и аккуратно обтер. Размером они были не больше крупной картофелины.

Затем гость вновь подошел к матери, вся кожа ее уже стала совершенно белой и мокрой от пота. Он положил оба сверт-

ка рядом с матерью на кровать. Сначала они тихо взвизгнули, а затем визг становился все громче и громче, как будто бы звуки эти издавали самые настоящие новорожденные дети. Свертки начали быстро расти, и буквально за несколько мгновений достигли размеров младенцев.

Гость посадил мать к себе на колени, а голову ее уложил на плечо. В темноте вновь сверкнул причудливый кинжал, и в тот момент я испугалась, что он хочет кончить мать.

Он поднес металл к своей шее, и быстрым движением перерезал ее. Оттуда полилась густая черная кровь. Гость приложил губы матери к ране и приказал:

–Пей!

Мать собралась с последними силами и ответила ему очень тихо и жалобно:

–Ни за что!– она закрыла рот и крепко стиснула зубы, -я выбираю тысячу раз умереть...

Тогда отец разозлился, рука его сделалась звериной и не по-человечески огромной. Он схватил мою мать за лицо, закрыл ей глаза и нос и в тот момент, когда она открыла рот, чтобы вдохнуть воздух, мужчина прислонил ее губы к своей шее, и она проглотила его кровь, сначала нехотя, затем жадно причмокивая, повалив отца на кровать, она впилась в его горло. А он хохотал, гладил ее по волосам и хвалил. Глоток за глотком, раны на ее теле затягивались, из груди и спины посыпалась мелкая дробь, на щеках матери вновь проявился румянец.

И в тот момент, когда она наиболее неистовее поглощала кровь незнакомца, он вдруг перевел взгляд на меня. Наши глаза встретились, и хотя я с головой спряталась под два толстых одеяла, я знала, что он смотрел в мои глаза так, будто бы между нами не было никаких помех. Я решила не шевелиться, пока незнакомец первый не отведет взгляд.

...

Наконец, кровавая трапеза завершилась. Гость отвернулся от меня и провел рукой по своей шее, по тому месту, из которого текла его черная кровь. Рана исчезла. Он провел другой рукой по своему вороту и он сделался совершенно чистым и накрахмаленным. Затем, таким же образом он убрал все следы крови и грязи с наконец успокоившейся и сидевшей совершенно смирно на полу матери. Гость встал с кровати и монотонным басом произнес:

-Не люблю беспорядок ,-он оттряхнул пиджак и штаны и хотел было шагнуть в сторону двух плачущих на кровати свертков.

Но в этот момент мать ухватила за правую его штанину и зашептала молитву, но в тот же тут же, будто осеклась и замолчала. Незнакомец наклонил голову и с ухмылкой надменно взглянул на Наташу. А она завопила, что есть мочи:

-Забери, забери меня. Его оставь. Умоляю! Умоляю!— мать вцепилась в ногу гостя и рыдала,— проклиная, проклиная тебя, итак уже трижды проклятого! Заклинаю, оставь ты моего Степана, демон!

Он же, смахнул мать с ноги, будто тряпку. Затем незнакомец опустился на колени рядом с нею. Нежно приложил правую руку к щеке матери и силой приблизил ее лицо к своему, таким образом, что его губы оказались прямо у уха матери и монотонно зашептал:

– Теперь ты проклинаешь меня? Теперь ты молишь меня о его спасении,— он медленно отстранился от матери,— назад дороги нет, Наташа. Ты знала- все будет именно так. Ты прокляла его. Ты! Все неизбежно теперь. Все свершится.

Затем он быстро поднялся, оттряхнул штаны. Мать по-прежнему сидела на полу, голова ее безжизненно висела на плечах, она зашептала:

-Ты обманул меня, все должно было быть не так,— затем медленно подняла голову и жалобно, еле слышно произнесла,— сколько еще?.. Я чувствую, я знаю! Больше я не в силах вынести...

Гость подошел к вопящим детскими голосами сверткам на кровати.

-Выдержишь, Наташа, никуда не денешься,— создания затихли, он коснулся одного из них, затем развернул простыню- но я, на счастье твое, могу видеть грядущее. Еще раз... и все кончено.

Незнакомец грубо схватил одного из существ за живот и поднял перед собою. Оно извивалось и царапалось в его руках будто дикий зверек, затем в одно мгновение успокоилось и затихло. Поначалу кожа существа была синяя и мокрая, но затем она быстро начала розоветь, и за несколько секунд сделалась совсем человеческая- розовая и гладкая. Глаза у него были целиком черные, носа не было вовсе, уши острые и длинные, как у лисы, двигались и ловили каждый звук, ножки звериные с копытцами и длиннющий лысый хвост. Когда все его тельце порозовело, гость резко отпустил его на пол, и оно тут же забегало так быстро, как не может бегать ни один известный мне зверь и тем более человек. Оно металось, непрерывно стуча копытами по деревянным полам дома. Затем дотронулось до каждого предмета, обнюхало каждый его угол избы, и, наконец, медленно подкралось к неподвижно сидячей матери. Мать подскочила, и с криком: «Брысь, нечисть!»-со всех силой ударила существо по голове. Оно отскочило, зашипело и быстро запрыгнуло гостю на

плечи. Он почесал существо за ухом и захохотал:

– Не хорошо это, Наташа, с собственной дочерью,– он хохотал и хохотал, до тех пор пока голос его не заполнил все пространство и стены не задрожали.

Затем также, в мгновение, затих. Существо спрыгнуло на кровать, рядом со вторым свертком и начало быстро копошиться пальчиками простыню. Гость медленно перевел взгляд на него и монотонно произнес:

–Ах, да. Я совсем и забыл,– он потянул свои руки к свертку.

Мать вновь отчаянно закричала:

– Не тронь!– и бросилась на гостя.

Но какая-то неведомая сила удерживала ее на месте. Затем она резко затихла и изменилась в лице. Она заулыбалась, в глазах ее сверкнул странный диковатый блеск. Мать медленно подошла к кровати и встала рядом с гостем. Она нежно подняла сверток и прижала его к груди. Существо, которого гость обозвал дочерью Наташи, перепрыгнуло теперь на плечи к матери. Она произнесла, но теперь уже иным, вовсе не своим голосом:

-И впрямь, жаль милого Степана,— аккуратно и медленно покачивая ребенка в руках, она передала его гостю, а гость осторожно передал ребенка существу. Оно спрыгнуло с плеч матери и с грохотом свалилось на пол.

Какое-то время все трое неподвижно и беззвучно стояли посреди комнаты. Огонь из печи играл на их силуэтах. Наступила абсолютная тишина. И в этой тишине предательски громко раздался стук моего сердца.

Оно стучало все громче и громче. И в один момент я вдруг поняла, что этот звук остался единственным во всей комнате. Оно начало стучать так громко, будто бы это был стук барабана или ударов топора по дереву. Я быстро взглянула на лежащую до этого рядом со мной сестру и обнаружила, что она пропала, затем медленно перевала взгляд обратно на комнату. Мать со свертком, гость и существо стояли совсем близко к печи и теперь, так же безмолвно, все вместе уставились на меня. Я в ужасе накрылась тяжелым шерстяным одеялом и затряслась, грудь и ноги похолодели, по всему телу проступил холодный пот, сверток вновь разразился детским плачем. Я сжалась, зажмурилась, и хотела было начать проговаривать единственную известную мне на тот момент молитву, но каждый раз, в попытках произнести хоть единое слово из нее, губы по неволи сжимались, а рот буд-

то бы наполнялся землей. Я искусала весь язык в попытках заставить его заговорить и затем почувствовала уже настоящий вкус своей крови. Оставив попытки молиться, я зажмурилась, а сердце мое совсем перестало биться, теперь слышен был только тихий и жалобный детский плачь.

Невыносимо долгий, как мне казалось час, я пролежала совершенно неподвижно. И пролежала бы так всю ночь, но вдруг этот жалобный детский плачь как будто проник мне в самое сердце. Испугавшись за, возможно единственное, понастоящему живое и беззащитное существо в этом доме. Я собрала все свое мужество и медленно, трясущейся рукой, приподняла одеяло. Мать в одиночестве медленно бродила по комнате и убаюкивала беспокойное дите. Вдруг я почувствовала, что по моей ноге что-то ползет, опустила одеяло ниже, и увидела сначала мою сестру, медленно приближающуюся к моему лицу. Я вскрикнула, но звука не последовало, затем попыталась вновь накрыть голову одеялом. Но сестра вырвала его из моих рук, подоткнула два края ткани у самых плеч и с силой прижала меня к печи. Я металась и кричала под плотной тканью, не издавая при этом ни единого звука. Затем я подняла глаза и увидела парящего надо мною ночного незнакомца. Лицо его было точь-в-точь как у отца, но совсем не живое. Где-то под моим одеялом рыскала туда-сюда, шипела и кряхтела его новорожденная тварь.

Так и висел он, пока я совсем не затихла и не начала смотреть на незнакомца в упор. Я почувствовала, как кости моих ног с треском ломаются и делаются звериными, как сделались немного ранее и у моей сестры. Я изнывала от адской боли, но пошевелиться более не могла. Тело мое совсем похолодело, но из глаз полились горячие, по-прежнему человеческие слезы. Гость произнес:

-Правильно все поняла, дитя, я тебя породил, а не Степан твой, бедолага!— он медленно приблизился к моему лицу.

Сестра отпрыгнула в сторону, а незнакомец наступил ногой на мою грудь и с силой вдавил ее в камень печи, а руками захватил мое лицо с двух сторон. Горячие слезы обжигали его холодную липкую кожу, а в воздухе стал слышен мерзкий запах жженной гнилой плоти. И в тот момент, когда гость приблизился совсем близко ко мне, я набрала полную грудь воздуха и ярость, чистая и сильная вырвалась из меня. Я закричала, что есть духу. Так громко, что в комнате вновь стало светло, а нечисть всю разбросало по углам.

Я вскочила на свои вновь сделавшиеся человеческими ноги и взглянула на мать. Она по-прежнему качала беспокойного младенца, Степанова новорожденного сына, они оба жалобно взглянули на меня. Сердце мое сжалось и забилось вновь, руки и грудь наполнились теплом. Ребенок был поко-

ен и смотрел ясными глазами.

Я спрыгнула с печи. Незнакомец уже успел подняться на ноги, сестра моя и тварь с копытцами хищно глядели на меня. Я побежала к двери, первой дорожку мне преградила сестра. Она вцепилась когтями в мой живот и неистово рвала мою плоть. Но и я тоже почувствовала в себе странную не человеческую силу. Я схватила сестру за холодную руку и в одно движение кинула ее на пол, затем ногой я втоптала ее голову глубоко в деревянный пол. Удар был настолько сильным, что нога моя провалилась под пол не меньше чем на полметра. Голова сестры застряла в полу, и она, барахтаясь, подпрыгивая и шепча что-то на неизвестном этому миру языке, пыталась выволить ее из деревянного плена. Незнакомец и мать начали свирепо и громко хохотать, комнату снова начала поглощать тьма, сын Степана вновь завопил. Сердце мое опять бешено застучало, я почти добежала до входной двери. И в тот момент, когда рука моя уже лежала на железной ручке и отворяла затвор, маленькая тварь вцепилась мне прямо в шею. Она успела сделать несколько глотков крови, прежде чем я схватила ее за скользкую шею. Несколько раз с размаху я ударила ее об стену, а затем впечатала тварь в пол подобно сестре. Существо, в отличии от первой, быстро выбралось из плена. Стоит ли мне упоминать о том, что выбралось оно оттуда совершенно невредимым и выросло у меня на глазах не меньше, чем в два раза.

Наконец, я быстро распахнула дверь. Напоследок, я украдкой оглядела комнату, подобно тому, как это сделал перед уходом Степан. Теперь все они собрались вместе и смотрели на меня безмолвно. Я выбежала на улицу, а из дома донесся голос незнакомца:

-Беги, беги! Далеко все равно не убежишь, а если и убежишь-вернешься! Не Степаново ты дите! Мое!— дверь избы с силой захлопнулась за моей спиной, изнутри раздался жалобный детский плачь, а вместе с ним- хохот и кряхтенье. Дом поглотил абсолютный мрак. А я бежала и бежала, затем плакала, всхлипывала и кричала, хваталась за голову и шею- болели две маленькие раны на коже. Не было холода или страха. Но сердце жалобно билось и было живым. Мне чудился и не давал покоя жалобный плачь Степанова сына. И знала я, что обязательно должна буду вернуться в свой дом.

Так и бегала я по селу холодной ноябрьской ночью и не помню уже как очутилась у подножья храма и уснула там без чувств. Проснувшись наутро, я увидела перед собою родное и живое израненное лицо моего отца- Степана.

...

Отец молча смотрел на меня. Лицо его заметно постарело, всем видом своим оно выражало отвращение. Волосы на голове Степана совсем поседели. Вся одежда его была покры-

та запекшимися кровавыми пятнами, под разорванной рубахой виднелись свежие ссадины и раны. Местами проступала свежая кровь. Левая половина его лица была закрыта повязкой, а рассеченная накануне рука замотана чистой тканью, она была спрятана под одеждой и висела неподвижно на шее Степана.

Я тоже с опаской смотрела на отца и боялась пошевелиться. Постепенно суровый взгляд его смягчился. Теперь он видел перед собою милостивое детское личико, так похожее на лицо жены его- Наташи, да и на его собственное лицо тоже. Отец помог мне подняться, я сделала неуверенный шаг и оступилась, ноги совсем ослабели и не слушались. Он придержал меня невредимой и тоже дрожащей ослабленной левой рукой, а когда понял, что самостоятельно я идти не смогу, в одно движение закинул меня к себе на плечи. В небе низко висело яркое солнце, оно источало холодный осенний свет, он совсем не жег глаза и не грел. Мы медленно продвигались по селу, редкие прохожие оглядывались на нас, перешептывались и крестились, Степан хромал и сотрясался на каждом шагу, но все равно шел. Но место нашего назначения находилось далеко за пределами деревни.

Мы шли мимо больших полей, совершенно голых и на половину выжженных пожарами. Вдоль сухой и пыльной дороги тоненькими рядками из-под земли торчали редкие, ка-

ким-то образом сохранившиеся после заморозков зеленые травинки. Ночной иней аккуратно припорошил их. Природа, со стороны казавшаяся совершенно безжизненной, ушла в глубокий сон и замерла до самой весны.

Наконец Степан донес меня и до леса, здесь яркое солнце весело прыгало между голых веток деревьев, а затем, с тем же озорством мерцало на моем лице и лезло в глаза. Землю застелил плотный ковер из опавших месяцем ранее разнообразных и уже почерневших листьев. И осенний лес и даже это озорное живое солнце, казались совершенно иными, сказочными и благодетельными, хотя чувство страха и опасности по-прежнему не покидали мое сердце. Вдруг раздался громкий шум реки, и из-за деревьев показался маленький брусовый домик. Он располагался на возвышенности у самого края река, таким образом, что одна стена его как будто бы была вкопана в основание холма. От домика отходили выложенные черным камнем две дорожки с сооруженными к ним деревянными перилами. Одна дорожка вела на массивную брусовую платформу слева от дома, на ней был расположен навес, под которым дотлевал костер. А так же под ним были установлены приспособления и предметы, необходимые человеку для выживания в лесу. Другая же дорожка посередине меняла свое каменное основание на досчатое. Доски эти были скреплены между собой веревками и привязаны за два деревянных вбитых в землю массивных столба.

Далее эта дорожка переходила в длинный, медленно извивающийся в мощном потоке речной воды, будто бы толстый и неуклюжий дождевой червь, широкий пирс.

Отец по-прежнему молча, аккуратно снял меня с плеча и усадил на стог сена под навесом. Он облегченно выдохнул, потянулся, застонал от резкой боли и тут же свалился рядом со мною. На рубахе его вновь проступила свежая кровь. Я подскочила и попыталась придержать его, но отец оттолкнул меня рукой и завопил:

-Уйди прочь, демон!

Затем он закрыл лицо руками и зарыдал.

-Надо было убить тебя, когда слабой ты была, надо было! Но сжалился я по глупости своей! Чего ж мы люди такие жалостливые?! Чего ж жалостливые такие, а?— второй раз он повторил свой вопрос, устремив взгляд к небу и завопя так, что голос его разнесся по всей округе и переполошил, я уверена, абсолютно каждую лесную птицу.

Я схватила небольшое ржавое ведро с полу, зачерпнула речной воды, подбежала и выплеснула ее в лицо Степана. Тогда он подскочил, выхватил из-за пазухи нож и шепотом произнес:

– Ну тварь, сейчас я все же отправлю тебя обратно в ад!

Он накинулся на меня, а я с легкостью, одним движением оттолкнула его на несколько метров к самой реке. Когда я увидела, что больше попыток напасть он предпринимать не собирается, я заговорила:

– Возьмите себя в руки отец Степан. Вы же святой человек, быть может, и не чиста я. Но не по своей вере и не по своему выбору, а по шутке самого нечистого. А выбор и вера мои... таковы: не хочу быть бесом я и не буду, а хочу я быть дочерью твоей, Степановой дочерью! Да твоя же дочка я и есть, ты посмотри- мы так похожи!– я сделала несколько шагов и медленно опустилась на колени рядом с отцом.

Он лежал неподвижно и смотрел на небо. Слезы медленно ползли по его вискам. Затем отец тихо произнес:

– Прибить бы прямо здесь- землю почистить. Да и этого не могу.

Я вновь зашептала:

– Зря ты так Степан, зря. Я же помочь хочу...

И я принялась рассказывать отцу о том, что происходило

после его ухода в избе ночью.

...

Отец проговорил совсем тихо:

-Наташа...-он протер ладонью лицо, повернул голову ко мне? Разве возможно такое? Может, помешались мы? Дурной сон и скоро он закончится? Я точно знаю, скоро все закончится...

Наступила тишина, ветер тоскливо завывал в лесной чаще, он медленно покачивал голые ветки деревьев, солнце скрылось, надвигались сумерки. Я не рассказала отцу о мальчике. Вдруг Степан подскочил и воскликнул:

-Сжечь бы этот проклятый дом и все, что в нем есть!— он встал, подошел ко мне и протянул руку. Я ухватилась за нее и тоже поднялась на ноги. И вдруг раны на его теле сами собой начали затягиваться, а волосы потемнели, каштановые кудри его опустились до самых плеч. Отец отпрянул и начал медленно разворачивать бинты и рассматривать свое израненное тело, под бинтами была совершенно невредимая кожа. Степан засмеялся сквозь слезы.

- Да разве может тот, кто рожден нечистым, выбрать свет?

-Я могу!— мой голос прозвучал четко и громко, так, чтобы и Степан и земля вокруг и даже я сама поверила этим словам.

Отец улыбался, он сделал несколько шагов и вновь обратился ко мне:

— А я, знаешь, вчера из избы вышел, и сразу упал толи в яму, толи в пропасть. Стоял там не выносимый жар, и угодил я в липкую тягучую смолу и никак выпутаться не мог и пришли ко мне не пойми кто... демоны, да черти! И как давай потешаться, и как давай измываться. Они кусали мою живую плоть и умывались кровью. И я кричал и плакал, а вырваться никак не мог. И волосы все поседели, и стал я стариком дряхлым в несколько мгновений. Утром проснулся я по среди поля, а черти и яма и черная смола- все исчезло. Только я остался старцем, и пошел я сразу к церкви, хоть ходу мне туда уже давно и нет...

Он замолчал. И я молчала. Степан пошел к еще тлеющему костру, закинул в него сырой хворост. Воздух совсем похолодел, наступила полная тьма. Скоро костер разгорелся, Степан вынес старый изношенный ватник и сунул его мне в руки. Я накинула ватник себе на плечи. Так же он принес железный чайник и черствую буханку хлеба, разделил ее на-

двое, один кусок Степан вручил мне а второй с жадностью начал поедать сам.

Он удобно устроился у костра, налил кипятка в кружку и начал свой рассказ:

– А знаешь, с чего началось все? Раньше были мы уважаемыми и достойными людьми. Я служил при сельском храме, все ко мне за советом бегали. И пьяниц спасал, наставлял на путь истинный, и воров малолетних и даже убийц. Всех я приручал к любви, к богу, возвращал на путь истинный. И заметил за собой однажды, что совсем молиться перестал, посчитал я тогда, что не должен у творца помощи никакой просить и блага, а должен это благо, по мере сил своих, сам на земле создавать. И каждый человек, как я тогда полагал, должен так жить. Решил, в общем то для себя, что сам я и есть...бог. Понимаешь?

Пламя тускло озаряло его лицо и тело, Степан сделал глоток, поморщился и продолжил.

– А Наташа моя...Не было у нас детей. Стали мы с ней отдаляться. Она же молилась с утро до ночи. И как то пришел я со службы и понял, что что-то не ладное с женой моей творится. Будто сошла с пути она истинного, лицо у нее было совсем другое. И сказала Наташа мне тогда, что в бога

не верит и семья наша в немилости у него и все из-за меня и моей гордыни. А я ей : « Если бы не я, если бы не я! ». А она мне: « И до тебя мир был и после тебя будет, и неизвестно, с тобой или без тебя ему было и будет лучше! ». Ну я и вспылил, и сказал ей, что дура она и баба совсем никчемная. Тогда Наташа на колени упала и умоляла и мне на колени припасть и помолиться с ней. Мол, знает сердцем своим, что тогда мы снова в милость попадем, и даст нам господь и благо и детей здоровых и счастье...

Слезы вновь полились из его больших черных глаз. И он начал Степан восклицать вздохом и с трудом:

– Я ей сказал тогда, что такие бестолковые вопли молящихся, как ее, и заглушают шепот бога, просящего людей о помощи! Сказал я ей, что сам я, муж ее, и есть бог! И тогда Наташа завопила не по-человечески, что никакой не бог я и жалок я для нее и для творца. Сказала, что пьяницы, как с церкви выходят, дальше пьянствуют, а убийцы так же убивают. А потом... а потом сказала, что и бога для нее нет... и прокляла меня моя Наташа.

Взгляд его потупился, голос сделался монотонным. Костер догорел, и теперь лишь угли тлели у ног Степана, стало совсем холодно, нас больше ничего не грело.

-И тогда все вокруг задрожало, окна, и воздух, все потемнело. И Наташа завопила: « Вон из дома!», и какая-то неведомая сила вытолкнула меня на улицу. Я упал, я слышал, как она хохотала. Наступила тьма. Я спрятался за домом и в окно наблюдал за тем, что будет дальше. А дальше было вот что. Из тьмы, медленно и важно появился он... Не то зверь, не то мертвец. Он зашел в дом и вдруг...он весь перекрутился и стал выглядеть точно, как я. Он медленно подошел к Наташе и что-то шепнул ей на ухо. Она заулыбалась и прильнула к его груди. Я знаю точно, как знал и тогда, это был сатана. Нечистый! Он поцеловал ее в губы...и вдруг они оба уставились на меня и захохотали. Это была уже не моя жена, это была не Наташа. Я упал без чувств под тем самым окном своего дома. Последнее, что помню- распятыя...они перевернулись и глухо ударились, все три, что были в доме, как один об деревянный пол.

-На следующий день, подумал я о том, что, быть может, мне это все привиделось, под тем же самым окном...- Степан ненадолго замолчал и задумался,- я вошел в дом, Наташа сидела за столом и держала в руках...новорожденного ребенка. Она обрадовалась мне и шепотом попросила подойти к ним. В груди у меня похолодело а ноги совсем не слушались, Наташа улыбалась и все шептала: "Ну иди, иди, не бойся. Мы тебя одного и ждем". Я шел целую вечность и когда наконец добрался до них, я увидел не младенца, это был, это был...копыта и глаза, огромные черные глаза. Я сделал

шаг назад и упал, а Наташа бросила ребенка, тот встал на ноги и метался по комнате, как зверек. Она поднялась надо мною, лицо ее исказилось и жена моя разразилась чудовищным смехом, повторяя и повторяя: "Ну что, бог, ты как мог допустить такое? Как? И что теперь делать думаешь?", - Степан медленно повернулся ко мне, его большие уставшие глаза зажглись не добрым огнем, - этим ребенком была ты! - он опустил глаза к земле, - я выбежал на улицу и побежал в храм, но когда добрался, я вновь увидел его в моем обличии, а затем и церковь в огне. Нечистый встретился со мной взглядом, улыбнулся и исчез в пламени пожара. В этот момент кто-то завопил: " Лови его, вон он!". И разъяренная толпа с злобными криками ринулась ко мне. Они кидали проклятия и, наверное, убили бы. Я пытался объяснить... я пытался что-то сказать, но все было зря. И тогда я бросился бежать, и бежал и бежал, до самой лесной чащи, а мне все слышались голоса и крики людей. Так здесь я и остался... - Степан глубоко вздохнул.

Я хотела было что-то спросить, но не успела, и он продолжил:

-Они договорились с ним! И я знаю, я знаю, о чем догадался! Он ведь, дьявол, видимо меня проучить захотел, а мы о сыне с Наташей так мечтали. И она... она сына ему родить должна, сатане... не мне! И потом он смеяться, верно, смеяться будет, потешаться, как черти ночью потешались, - взгляд его застыл и он осторожно докинул в костер пару по-

леньев,— вот она какова, штука. А сына должна Наташа носила в этот раз, я точно знал. Нельзя было этого допустить, на грех пошел страшный, а видишь как, даже этого сделать не смог.

Тут я не удержалась, схватила его за руку и выпалила, сама от себя не ожидая:

—Степан! Эх Степан, да не знаешь ведь ты и ,может быть, не надо тебе и знать...

Он грозно посмотрел на меня и тихо спросил:

—Чего не знаю?— я молчала,— говори сказал!— от с силой сжал мою руку.

—Степан, мальчик этот...твой сын!— я зажмурила глаза, отдернула руку и опустила голову

—Врешь...

—Не вру отец, он сам так сказал...нечистый так сказал...

—Но разве ж такое может быть? Это все не может...слышишь?...

Я села на колени перед ним. Хотела было снова взять его руку, но Степан не позволил.

—Сам же сказал, издевается нечистый над тобой- вот тебе все объяснение! Вот и все!

Степан медленно и грозно выпрямился во весь рост

—Вот и все?...Вот и все?!Это что ж выходит, я собственного сына, единственное, если тебе верить, свое дитя погубил?!А? Ты скажи, поди лучше знаешь?

Он начал вырывать со своей головы кудри, топтать горя-

щий огонь, вопить и спотыкаться, постоянно повторяя и повторяя:

–Вот и все...вот и все!?Вот и все!

Наконец Степан побежал к реке, встал на четвереньки у самой воды. Ему достаточно было только решиться, только решиться и безжалостные потоки ледяной воды быстро закончили бы его мучения. Но в последний момент что-то будто бы вынудило Степана остановиться. Он затих и замер.

Я медленно подошла к нему и проговорила:

–Мальчик жив, отец, твой сын жив, слышишь. Но от того еще хуже...

–Что может быть хуже смерти? -быстро выпалил Степан.

–Душа его в руках не сатаны...как и Наташина, и он потешается над ними и издевается, как над тобой, Степан. Мальчик- единственное живое, что было в том доме ночью, я, о нет, нет! Забыть не могла, и всю ночь мальчик мне чудился, как он плачет, и как черти и демоны нянькают его и играют, как с игрушкой, а мать хохочет, а он кричит и плачет так жалобно, так жалобно! Некому защитить его, и некому помочь...

Степан опустил руку в бурлящую воду, зачерпнул немного, и протер ею свое лицо и шею. Затем молча встал и проговорил:

–А я, стало быть, могу помочь?

–Не знаю. Но знаю одно, он точно тебя ждет.

Наступила тишина. Деревянный пирс безвольно извивал-

ся в воде, ветер гулко завывал, где-то вдали зловеще отзывалась громкая ночная птица.

...

Степан велел мне ночевать в доме, когда сам он остался спать у костра. Места и предметов в деревянной лачуге было совсем не много. Единственная комната располагала в себе: маленький самодельный письменный стол, стопку бумаги, небольшой стул, набитый сеном матрас на полу дома и книги. Книги были аккуратно сложены столбиком в углу лачуги, жилище освещал старый ржавый масляный фонарь. На одной из бумаг я успела заметить дату, вчерашнее число, разумеется, на всех других страницах число было указанно. На некоторых из них были надписи, на других - рисунки. Рисунки эти изображали животных, растения. Но были и другие страницы. На них были рисунки, изображающие демонов и невиданных тварей, таких, каких мы со

Степаном оба встречали и уже видели накануне. Одним из которых - была и я...

В тот момент, когда я рассматривала жуткие страницы из дневников, в лачугу зашел Степан, он быстро собрал бумагу охапку, потушил фонарь, велел мне спать и ушел. Ночь была холодной и беспокойной, из лесной глуши то и дело доносились крики, не то зверей, не то людей. Завывал ветер. Я точно знаю, ни мне, ни отцу так и не удалось заснуть, каждый раз, когда мы закрывали глаза, перед нами рисовались жуткие образы чертей, их кровавые трапезы, пляски и смех.

Несколько раз за ночь, выглядывая на улицу через дверную щель, я видела, как Степан испуганно поднимался, кто-то манил его в темноте, а он шептал во тьму: «Сгинь, нечисть проклятая, оставь меня!». Затем со стороны реки доносился истошный детский крик и женский смех, Степан зажигал фонарь и бежал к реке, но там уже никого не было.

Так наступило не менее холодное, пасмурное утро. Степана нигде не было. Под навесом, у костра, он оставил для меня кусок черствого хлеба и записку, на которой была надпись: « Жди». Так я прождала его до самого вечера. Когда он вернулся, лицо его было покойно, он тихо улыбался. Затем Степан зашел в дом, переоделся в церковную рясу, причесался и весело сказал мне:

–Пора!

– Пора?– тихо переспросила я.

Но отец ничего не ответил. Он быстро двинулся в сторону дороги. Я побежала за ним вслед. В груди моей вновь похолодело, а Степан был совершенно спокоен. Вновь наступила тьма. У нас не было фонаря или факела, я спотыкалась и падала на каждом шагу. А отец ступал уверенно, не обращая на меня никакого внимания. Так мы добрались до выжженных полей, а когда приближались к селу, я заметила вдали множество огней и услышала шум, нет – гул человеческих голосов! Они ожидали нас. Оказывается Степан ходил в село эти утром, ему удалось убедить людей. Они пошли к дому вместе с нами.

Отец шел впереди и вел всех за собой, как праведник. От него исходило непонятное тепло, а кожа Степана будто побелела и светилась слабым белым светом. Сельчане с гулом, криками, зажженными фонарями и факелами уверенно шли за ним. Я брела в самом конце и от чего-то, чем ближе мы подходили к дому, тем страшнее мне становилось.

Вокруг избы было тихо, а внутри горел слабый огонь. Мы остановились, немного не дойдя до дома, толпа замолчала, а Степан окликнул меня. Я медленно подошла, и в тот момент, когда мы сделали движение вперед, дверь медленно со скрипом открылась, на пороге показалась Наташа, а вместе с ней за руку шла и моя сестра. Они улыбались. Второй рукой Наташа держала сверток с новорожденным сыном. Он не плакал и не издавал никаких звуков. Затем мать обратилась к моей сестре и ласково сказала:

– Ты посмотри, папа наш вернулся!

И тогда сестра, смеясь и подскакивая на месте, завопила:

– Папочка! Папочка! Иди же скорее к нам!– затем она взглянула на меня и так же резво закричала,– и сестрица! Мы так давно вас ждем!

Степан грозно закричал в ответ:

– Не отец я тебе! Поняла?– он нахмурил брови и угрожающе уставился на мою сестру.

Она сделала удивленный взгляд и переглянулась с Наташей. В этот момент, из дома, что-то бурча и взвизгивая, появилось, постукивая копытами, новорожденное накануне

нечистое дите. Теперь она стала еще больше и безобразнее. У твари выросло пузо, черные глаза сделались маленькими, все тело было серо-зеленное, как у мертвеца. Руки и ноги ее были невероятно длинные и худые, а все тело было покрыто редкой черной шерстью. Я почувствовала, что и Степану стало страшно. Я осторожно взяла его за руку и тихо прошептала:

–Ничего не бойся!...Отец Степан!...– он настороженно взглянул на меня, но руку не отдернул, а даже наоборот- с силой сжал ее своей ладонью.

Тогда моя сестра завизжала, взглянув на мать:

–Не он наш папа!– затем она перевела взгляд на нас:

–Я не с тобой говорила!– и указала пальцем левее Степана.

Мы быстро перевели взгляд и увидели его, Нечистого. Он вновь облачился в Степана и улыбался. Затем все собравшиеся, кроме нас, разразились смехом. Тварь улюлюкала и кряхтела пуще прежнего. Мы начали оглядываться на лица людей, пришедших вместе с нами. Лица их были искажены нечеловеческими улыбками. Хохоча, они разошлись во круг дома, и окружили его плотным кольцом. Воздух начал нагреваться, земля под нашими ногами раскалилась, от нее повалил дым и жар. И под хохот и крики, сатана, с лукавой улыбкой, медленно подошел к Наташе. Он поцеловал ее в губы и осторожно взял младенца на руки. Ребенок неистово завопил. Сердце Степана наполнилось яростью, он двинулся

вперед, но пошевелиться не смог. Какая-то неведомая сила приковала наши ноги к раскаленной земле. И тогда расхохотался сам сатана:

–Отец Степан, ты чего, как вкопанный там стоишь? Заходи уже в гости, жену навесить и сына. Они так соскучились. Но не переживай, я сам заботился о них в твое отсутствие. Можешь спросить у Наташи, быть может, я справлялся даже лучше...

Отец не дал ему договорить, и что есть духу закричал:

–В гости? Это мой дом! И я тебя я не боюсь, нечистый, и колдовства твоего не боюсь и пакостей твоих бесовских!– затем он вдохнул, нахмурил брови, и заговорил громко и властно,– он,– Степан показал глазами на небо,– он защитит меня, он не позволит навредить!...

Сатана тоже престал улыбаться, лицо его сделалось серьезным. Все вокруг затихло. Он сделал шаг к нам и горячий воздух содрогнулся. Затем сатана тихо и насмешливо заговорил:

– Это уже серьезно. Зачем же ты пришел, Степан? Если ты еще не понял- здесь больше ничего твоего не осталось. И жены твоей больше нет и дома. И жизни и даже людей вокруг нет, – затем он снова заулыбался,– и даже сына своего ты мне подарил, он сейчас дышит только по моей милости, захочу- перестанет. Вот, смотри,– он развернул мальчика, и вдруг грудь его опустилась замертво, ножки и ручки начали синеть,– нечистый поглядел на испуганное лицо Степана и

насмешливо проговорил,— ладно, я шучу,— и ребенок вновь сделал вдох. Степан выдохнул. Затем он взглянул на меня,— ты и дитя мое потерявшееся вернуть пришел?— толпа вновь разразилась хохотом.

Степан улыбнулся и спокойно ответил:

—Я пришел забрать своего сына. А тебя и твою нечисть я отправлю обратно в ад. И ты не тронешь меня, не навредишь. Нет у тебя такой власти, нет у тебя такой силы!— лицо отца было покойно, а грудь наполнила светлая ярость. Она жадно поглощала раскаленный воздух, то поднимаясь, то опускаясь.

Затем Степан бросил мою руку, и в доказательство своих слов сделал усилие, ноги его все еще были прикованы к земле, и он с трудом шагнул в сторону дома. На груди его и лице вновь проступили заживленные мною раны, порезанная рука почернела, из нее полилась темная кровь и гной. Но отец, преодолевая боль, продолжал идти. Толпа издала удивленный гул. И тогда сатана сказал:

— Ну пойдем тогда в дом! — и он, вместе со всеми, кто был на крыльце, скрылись внутрь избы.

Сила, удерживающая Степана, мгновенно его отпустила, воздух и земля остыли, толпа, пришедшая с нами, по-прежнему стояла вокруг дома плотным кольцом. Она не издавала ни звука. Раны на теле Степана исчезли.

Мы медленно вошли в дом, вслед за сатаной.

...

Я взялась рукой за откос двери и с усилием провела по нему тыльной стороной ладони. Мне хотелось почувствовать боль от вонзившихся в кожу деревянных щепок, для того, чтобы убедиться, что сознание еще не совсем покинуло нас. Но я ничего не почувствовала, ни боли, ни то, каков же на ощупь был откос. Тело мое затряслось, кожа на спине и ногах зачесалась и покрылась пятнами, на ней проступила жесткая черная шерсть. Степан скрылся внутрь избы, в помещении было темно, и я, глубоко вздохнув, быстро заскочила внутрь вслед за отцом.

Время замерло, в комнате было холодно и тихо. Я не слышала ни единого звука и не видела никого. Я закричала, но голос мой, как и прежде, растворился в холодной тьме, тогда я сделала шаг, затем еще несколько. Я непременно должна была напороться на кровать, печь или стену, но все, что раньше стояло здесь, по-видимому, исчезло. Тогда я побежала куда-то вперед и бежала так до тех пор пока все же не наткнулась на предмет. Это что-то было мне по самую грудь. В полной темноте, мне удалось разобрать, что предмет был деревянным- не то коробка, не то кровать, достаточно длинная деревянная кровать. Я обошла предмет вокруг, и поняла, что верхняя часть его можно сдвинуть. Это была крышка. Я приподняла крышку и запустила руку вовнутрь. Внутри было холодное человеческое тело. Я испугалась, оступилась и упала на спину. Это был гроб.

Сзади меня блекло замерцал свет, постепенно комната на-

чала освещаться. Я увидела перед собою гроб, а сзади меня стоял стол, посреди которого стояла свеча- единственный источник света, освещающий пространство. Вокруг плясали тени тех, кого не было видно глазами. За пустым столом сидели: Степан с одного края, моя сестра и тварь. На другом краю стола, напротив отца сидел Нечистый. Все они, кроме Степана, молчали и равнодушно смотрели перед собою. Отец же, со слезами на глазах, наблюдал то за мной, то за гробом. Затем из гроба донесся громкий детский плачь. Все сидящие за столом быстро повернулись на гроб. Они стали закрывать уши и недовольно восклицать. Но голоса и звуки по-прежнему растворялись в мутном пространстве. И только голос Нечистого загремел:

– Да сколько можно! Заткните уже этого проклятого ребенка! – он кинул грозный взгляд на всех, кто был в комнате. Все испуганно попрытали глаза, и тогда он обратился к отцу, – быть может ты сам, Степан, успокоишь сына? – затем Сатана нахмурил брови и сердито приказал, – Давай! Или это сделаю я!

Отец медленно поднялся из-за стола, подошел к гробу. Внутри лежала Наташа, она безмолвно смотрела на Степана и совсем не шевелилась. Младенец жалобно плакал где-то в подоле, у самых ее ног. Степан опустил ниже, развернул ткань и взял мальчика на руки, ребенок тут же успокоился и оживленно закричал. Вокруг раздался радостный гул призраков, теней и всякой невидимой нам нечисти, собравшей-

ся в доме.

Отец ласково смотрел на дитя, затем Наташа поднялась из гроба, Степан взял ее за руку и помог выбраться наружу. Она опустила голову на плече отца и прошептала:

–Прости меня...

Глаза обоих наполнились слезами. Степан поцеловал Наташу в лоб и ласково проговорил:

–Я прощаю тебя, Наташа, за все прощаю!– затем печально, будто бы в последний раз, взглянул на нее, и сказал- Прощай, любовь моя...

И тут Наташа закричала от боли, по юбке ее разлилась кровь, она упала на спину и начала метаться на месте и царапать живот. Все это продолжалось с минуту. Затем, так же быстро, она затихла, сделала последний свой вдох и умерла. Из глаз ее вперемишку со слезами крупными каплями текла кровь. В комнате вновь раздался детский крик.

Сатана подошел к мертвой Наташи, приподнял ее кровавый подол и взял на руки орущее по-звериному существо. Оно не было похоже на дитя человеческое и выглядело еще безобразнее, чем новорожденная накануне тварь. Оно металось в его руках, царапалось и кусалось. Нечистый довольно захохотал и проговорил:

–Наконец-то!– затем обратился к Степану,– дело сделано, нам пора.

Сатана показал какой-то жест и моя сестра, которая тоже уже мало своим видом напоминала человека, вместе с вы-

росшей до размеров коровы, безобразной тварью, вдвоем аккуратно взяли мать и уложили ее обратно в гроб. Затем они обратились ко мне:

– Нам пора, сестренка. Ты слышала, что сказал отец?– они подали мне свои безобразные руки.

– Он мне не отец!– я отпрянула от них и попыталась встать на ноги, но вдруг поняла, что на их месте копыта, а руки мои ничуть не лучше, чем у сестры.

Они обе рассмеялись, и пошли куда-то вслед за Сатаной. Воздух в помещении нагрелся, посреди комнаты деревянный пол начал трескаться и проваливаться. Образовалась самая настоящая пропасть, оттуда валили жар и огонь. Тварь подошла к нечистому и выхватила из его рук дитя. Она важно прижала его к груди, и первая прыгнула в пылающую пропасть. Затем, за ней вслед там скрылась моя сестра. Нечистый же протянул руку во тьму, и оттуда вышла улыбающаяся Наташа. Они хотели было вместе уже уйти, но вдруг остановились и взглянули на нас. Нечистый проговорил:

– Ах да, отец Степан,– Наташа шустро отпустила его руку и подбежала к мужу, из-за пазухи она вытащила блестящий кинжал и аккуратно вручила мужу. Затем улыбнулась ему и вновь вернулась к Нечистому. Тот ласково взял ее руку и обратился к Степану,– теперь выбор за тобой. Как вы там говорите: «Жизнь за жизнь». Хочешь, чтобы твой сын жил? Тогда выбирай, он или ты?– затем Сатана толкнул Наташу в пропасть, та с хохотом скрылась в огне, а Нечистый остано-

вился, лукаво взглянул на нас и сказал,— быть может- бог так безразлично относится к человеческим жизням лишь потому, что они на самом то деле толком ничего и не стоят?— затем он ожидающе замер, и равнодушно наблюдал на Степаном.

Отец еще раз приласкал своего сына, он улыбался и плакал. Затем Степан прижал сверток с ребенком к груди. Огненная дыра все больше раскаляла воздух и все сильнее затягивала все и всех вокруг внутрь себя. Пространство вернуло свой обычный облик, теперь было видно очертания дома, с улицы раздавался шум и гул голосов. И тут я поняла, что жар идет и от окон и от двери, дом горел и снаружи. Пока я прислушивалась к звукам с улицы, в пространстве быстро сверкнул металл, Степан одним движением вспорол себе горло и аккуратно опустился на пол, вместе с сыном на руках. Еще мгновение взгляд его был осознанным, а потом глаза сделались стеклянными, по щекам побежала последняя пара крупных слез. Я прошептала:

—Степан...-подползла к отцу и аккуратно взяла его сына на руки.

В этот момент из тьмы выплыл его дух и равнодушно взглянул на нас. Затем он обратился к Нечистому:

—Господин, нам пора,— он вновь перевел взгляд на меня и тебе пора,— он попытался схватить меня и поднять на ноги, но я завопила, и силой оттолкнула Степана в угол комнаты.

Сатана захохотал. В комнате стало невыносимо жарко,

пропасть затягивала меня в себя, но я сопротивлялась. Нечистый сказал Степану:

–Оставь ее, все равно никуда не денется. Пойдем, я утомился.

Отец молча кивнул ему в ответ и медленно пошел к пропасти. В этот момент я подскочила и побежала к горячей двери, младенец кричал у меня в руках, а пропасть тянула к себе. Я несколько раз упала, но все же добралась до двери. Все снова замедлилось, снова исчезли звуки. Я неистово дергала потяжелевшую раскаленную дверь. С обратной стороны ее подпирала нечисть, и теперь, и стены и пол и все вокруг, начала пожирать огненная воронка. Я больше не могла сопротивляться, я зажмурила глаза и прижала младенца к себе. Степан и Нечистый все еще молча наблюдали за мной. И тут я закричала, что было духу и мой голос громко разразился в мертвом пространстве:

–Степан! Нет, Отец! Я знаю, ты слышишь меня. Помоги мне, помоги своему сыну!

И в этот момент глаза взгляд отца ожил, он грозно уставился на нечистого и закричал:

– Ты лжец! Обманщик!– и накинулся на Сатану и принялся колотить его, затем поднял в воздухе и столкнул в пропасть.

А Сатана лишь рассмеялся и исчез в огне. Степан подбежал к нам, взял меня с младенцем на руки, с силой сорвал горящую дверь. Воронка дрогнула, и нечисть и остатки дома

беспомощно залетали в нее. А тем из них, кто еще мог сопротивляться и мешать нам, Степан безжалостно разбивал головы и на ходу отрывал конечности. Наконец, он вынес нас за пределы дверей и огня, туда, где не властвовала больше безжалостная воронка и чертовщина. Он медленно опустил меня на землю, последний раз посмотрел на сына и улыбнулся.

Взгляд его медленно мутнел, глаза делались стеклянными. Он все еще держал мою руку, воронка дрогнула с новой силой и я почувствовала, что Степана потянуло внутрь горящего дома. И тогда я проговорила:

– Останься, отец. Бежим с нами!

Он изо всех сил сжал мою руку, стараясь еще хоть на ненадолго остаться в себе:

– Я уже не принадлежу себе: « Жизнь за жизнь». Я сделал выбор, и ты сделала выбор. Позаботься о нем! Забудь обо всем, что здесь произошло и никогда ему об этом не рассказывай. Спасибо, дочь моя!– затем Степан резко умолк и застыл.

Он отпустил мою руку и захохотал, огненная воронка с силой затянула его в себя, как тряпичную куклу. А затем и остатки дома, и село и людей и чертей и все, что было в округе. А я побежала прочь. И бежала так до самого леса. А когда добралась до Степанова лесного убежища, с холма мне было видно нашу пылающую деревню и все, что от нее осталось. Я плакала, но маленький мальчик сладко спал у меня на руках

и был покоен.

...

Так мы прожили в лесной хижине еще с неделю. Затем отправились на поиски нового пристанища. Я посещала свое родное, сгоревшее дотла село еще всего один раз. Дрожа и озаряясь по сторонам, я бродила по выжженным улицам в поисках родительского дома. И наконец, передо мною возник знакомый обветшалый каркас, весь черный и хрупкий. Внутри не нашла я ни своих родителей, ни следов разрушительной воронки. Посреди комнаты, на полу, лежал тот самый, роковой серебряный кинжал и странная, потемневшая, то ли от огня, то ли от времени черно-белая фотография. На ней были детские и взрослые силуэты с искаженными, замаскированными и выцарапанными лицами, ни одного из них различить мне тогда так и не удалось. Кинжал я решила забрать с собой.

Мы отправились в город, как сироты, известные многим благодаря славенашего нехорошего, проклятого села. Люди здесь были очень суеверны. Большинство из них опасались нас, хотя некоторые и жалели, предлагали помощь. А для того, чтобы не отвечать на лишние вопросы, первое время я притворилась немой. Сначала мы жили на деньги, найденные в Степановой хижине, а затем на деньги, вырученные за проклятый кинжал. Позже, мне удалось наконец устроиться на службу в храм, схорониться и добиться, наконец, того, чтобы все позабыли откуда мы появились в городе. Спу-

стя два года службы, я все же заговорила, но убедила всех, что совершенно не помню ни для из своей прошлой жизни. Меня захватила любовь к музыке. Помню- когда я впервые услышала церковную песню, я поняла, что музыка- это, вероятно, единственная доступная мне на этой земле любовь. Позже, я так и останусь преподавать детям в церковном хоре. Сын Степана, Михаил, рос, не зная ни горя, ни лишений, ни того, кем были наши отец и мать.

Ну а я так и не смогла зажить на этой земле по-людски, спокойно и тихо. Дважды я была замужем, первый муж мой умер спустя год после свадьбы- на войне, второй- спустя два месяца после свадьбы- покончил собой. Я же не испытала ни скорби ни удивления. Ни после первого происшествия, ни после второго. Я знала, что сама была причиной их гибели. Во время обоих похорон, я почти уверена, нет, я знаю, я видела, в тени деревьев силуэты обоих моих мужей, вместе с Нечистым. Последний же, смотрел на меня в упор и лукаво улыбался, он кривлялся, звал за собой, затем медленно махал мне рукой, за что-то благодарил и в обнимку с понурым мужем исчезал в тени деревьев. А я лишь улыбалась ему в ответ. В дальнейшем от замужества я отказалась и полностью посвятила себя службев храме.

И вот, спустя 10 лет после событий в родном селе, на свое 20-е день рождение, я заметила на скамейке около храма одинокого мужчину. Он сидел спиной ко мне и выглядел этот человек точь-в-точь, как Степан. Я окликнула его изда-

лека, но он продолжал сидеть неподвижно. Тогда я медленно подошла к мужчине. Я хотела разглядеть его лицо, но единственное, что я успела увидеть- это окровавленную шею, руки, грудь, и заплывшие, покрытые пеленой глаза мертвеца. Я испугалась, попятилась и зажмурилась. Но когда я открыла глаза, этого человека передо мною уже не было, а на скамейке лежала одна маленькая фотография. Это была та самая фотография, которую я оставила в сгоревшем родном доме. Я неожиданно и громко захохотала, на этот раз фотография была совершенно невредима, оттуда на меня смотрела улыбающаяся Наташа со всеми своими детьми, которые здесь имели исключительно человеческие обличия. Рассматривала фото и смеялась я до тех пор, пока глаза мои не дошли до знакомого лица мужчины. Рядом с Наташей и детьми стоял печальный и исхудавший, вновь поседевший отец, а левее от него было расплывшееся и затертое черное пятно- свободное место для недостающего члена семьи. На обороте фотографии была надпись:

«Любимая дочь и сестра, семья поздравляет тебя с днем рождения и просит, нет, требует! Явиться домой. Мы отпустим тебя томиться обратно, во враждебный, но обожаемый тобою мир, и когда придет время- ты сама вернешься к нам. Но сейчас, нам необходимо обновление семейной фотографии. От всей семьи, с горячей любовью!»

(Из Ада).

Я сжала фотографию в руках, закрыла глаза и сразу дыха-

ние сперло от горячего воздуха. Под ногами раскинулась огненная пропасть. Вдруг я почувствовала, как моей спины дотронулась рука- это была его рука, рука Сатаны. Он ласково поцеловал меня в лоб, и повел к красиво убранному праздничному столу. Наташа играла со своими уродливы детьми. Увидев меня, все они побежали ласкаться и целоваться. Вокруг плясала нечисть и черти, горели огни. Но нигде за весь вечер я так и не увидела Степана. И только в тот момент, когда дело дошло, наконец, до семейного фото, я набралась смелости и спросила Нечистого о Степане. Тот, нахмурившись, спросил:

–А зачем тебе он?

– Ты сказал семейное фото, а ведь он- тоже моя семья.

– Ну, как знаешь. Сегодня твое слово решает все,– он сделал жест рукой, и несколько чертей побежали к темным углам огненного зала.

В этих углах весь вечер, стояло что-то не понятное, накрытое черной плотной тканью. Они скинули с одного из силуэтов ткань, и под нею оказался Степан. Он стоял, как не живой, молча и неподвижно. Единственное, что отличало его от статуи- он изредка моргал своими стеклянными, заплывшими мутной пеленою глазами. Его вывели и поставили рядом со мною. Я незаметно взяла его за руку. Нас сфотографировали до смешного странным, огромным деревянным фотоаппаратом, и Степана завели обратно во тьму. И только в тот момент, когда на него вновь накидывали темную

ткань, он взглянул на меня так, как будто бы узнал. А после, замер и фигура его растворилась во тьме.

Нечистый взял меня за руку и снова спросил о том, не хочу ли я остаться ними. Я медленно помотала головой. Затем закрыла глаза и очнулась на лавке у церкви. Над головой цвела вишня, было холодно, а ветер медленно шелестел молодой листвой.

Так шли годы, и каждые 10 лет своих я праздновала с нечистью в аду. И на каждый праздник, по моей просьбе из тьмы выводили Степана.

На мое 100-е день рождения выпала смерть Степанова сына, и я судорожно искала брата в кругу обитателей преисподней. Но успокоилась, так и не встретив его. А потом, как обычно, упросив Нечистого вывести для фото всех членов моей семьи, я с таким же ужасом ждала из тени и брата. Но вновь, привели одного лишь несчастного Степана. А Нечистый, рассмеявшись, спросил: «Тебе тоже кажется, что кого-то здесь не хватает?».

И вот, наконец, на мой 150-й день рождения, я покойна, поскольку и Степана здесь больше нет. Моя человеческая моя жизнь подошла к концу. Я распрощалась со всем, что считала для себя важным и дорогим на земле: с храмом, учениками, с землей и небом, с многочисленными племянниками, внуками и правнуками, оставленных здесь мне моим братом. А затем я отправилась в последнее свое путешествие, назад в лесную лачугу Степана.

С трудом я нашла заросший, разрушенный брусковый домик. Могучая река обмельчала, видимо сразу после того, как все же сумела смыть неугодный ей хлипкий пирс. Я даже отыскала где-то в лачуге старые записи и рисунки Степана и набитый сеном матрац. Все каким-то чудом уцелело, и лишь ждало моего возвращения. Я легла, положила маленький деревянный крестик на грудь и навсегда закрыла глаза. Я проснулась на лавке под цветущей вишней. Ветер нежно ласкал мою кожу и волосы, вокруг было светло. Но ни церкви, ни домов, ни людей не было рядом. Рядом сидел мужчина, он был в белом мужском платье в пол, у него были длинные седые волосы и аккуратная борода. Он молчал, но нежный голос зашелестел в воздухе:

– Я наблюдал за тобой с самого твоего рождения и знаю, что не мое ты дите и здесь быть не должна. За твое мужество и свет, я даю тебе право выбирать. Поверь, мало кому из тех, кто сюда приходит, дается такое право. Так что – подумай хорошо, и я исполню это желание. Времени у тебя столько, сколько захочешь, – затем голос стих, подул теплый ветерок, листья вновь зашумели, вокруг запели птицы.

Вдруг из тумана появился мой брат. Он был молод, одет в такое же белое платье в пол, как и длинноволосый мужчина. Брат улыбался, он взял меня за руку. И я, глядя ему в глаза, тихо проговорила:

– Кровь за кровь...

И в этот момент из тумана, к нам медленно подошел Сте-

пан. Он плакал и улыбался.

Затем голос снова тихо спросил:

–Ну а ты?

Мои глаза наполнились слезами, и я с улыбкой прошептала:

– Мне пора домой.

Степан с сыном схватили меня за руки и начали что-то бормотать. Но я уже не слышала их голосов, я смотрела на отца и брата с улыбкой, затем глаза мои закрылись, и я провалилась вниз. Я падала и падала и вновь увидела свой храм, потом сожженную дотла родную деревушку и свое тело в заброшенной лесной лачуге. Я быстро приближалась к земле, и испугавшись удара- зажмурила глаза, а когда проснулась, Нечистый уже подготовил все к моему празднику.

–Наконец, с возвращением домой, дочь моя,– с улыбкой произнес он.

–Кровь за кровь, отец,– с такой же улыбкой ответила я.